

- дия, 1990. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 30.12. 2011).
7. Радченко О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Степанов Ю.С. Семиотические структуры языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1973. – № 4. – Т. 32. – С. 340-355.

УДК 81-112.2

Городова Е.С.
Московский государственный областной университет

ЗАКОН ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК ФАКТОР УПРОЩЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

E. Gorodova
Moscow State Regional University

THE PRINCIPLE OF LINGUISTC ECONOMY AS A FACTOR OF SIMPLIFICATION OF THE ENGLISH LANGUAGE

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию понятия лингвистической экономии как основополагающего закона, регулирующего функционирование языковой системы, и его экстраполированию на современный английский язык. В статье даётся детальный обзор подходов к толкованию этого понятия, а также указывается его взаимосвязь с принципом наименьшего усилия. Автором выдвинута гипотеза о существовании причинно-следственной связи между действием закона лингвистической экономии и моносиллабическим характером английского языка. В работе реализация данного закона в английском языке интерпретируется как первопричина расхождения британской и американской разновидности языка.

Ключевые слова: моносиллабизм, закон лингвистической экономии, принцип наименьшего усилия, американская и британская разновидность английского языка, избыточность.

Одним из факторов, определяющих упрощение языка, является действие закона лингвистической экономии, проявляющегося в минимизации плана выражения при сохранении плана содержания. Лингвистическая экономия отличается разнообразием форм и представлена на всех уровнях языковой системы. В языкоznании понятие экономии получило несколько неоднозначных интерпретаций и должно быть рассмотрено с различных позиций.

Прежде чем определить подходы к толкованию данного понятия, необходимо привести его словарную дефиницию, которая раскрывает в целом положительную коннотацию: «эко-

Abstract. The article is dedicated to the study of the notion of linguistic economy, fundamental principle governing operation of a linguistic system, and extrapolation of this trend in the modern English language. A detailed review of approaches to understanding of this notion is given in the paper along with its correlation with the principle of minimum of efforts. The author puts forward the hypothesis that there is a causal connection between linguistic economy and monosyllabic nature of the English language. The functioning of this principle in the English language is considered in the article to be the initial cause of the divergence between the British and the American varieties of the language.

Key words: monosyllabism, principle of linguistic economy, principle of minimum of efforts, the British and the American varieties of the English language, abundance.

номия – бережливость при расходовании чего-либо; выгода, получающаяся при бережном расходовании чего-либо» [7, с. 1184]. Под понятие экономии также подводится умелое управление хозяйством, что непосредственно отражает этимологию слова (от греч. *oikonomia* – управление хозяйством) [4, с. 1535]. Таким образом, данный термин – в широком смысле обозначающий верное распределение средств – может быть метафорически перенесён с уровня социального на языковой. В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» таким образом сформулирован закон лингвистической экономии: «В семиотике – один из общих принципов устройства и функционирования знаковых систем, в соответствии с которым число подлежащих выражению в системе и реально выражаемых в тексте противопоставлений стремится к минимуму; действует совместно с уравновешивающими его принципом различительности и принципом мотивированности (или изоморфизма). В лингвистике – рассматривается как важнейший принцип, регулирующий функционирование языковой системы» [1, с. 119].

Следует отметить, что язык рассматривается нами как система, находящаяся в равновесии, которое возникает как следствие правильного распределения всех внутренних и внешних сил, чему способствуют такие факторы, как традиция, языковые контакты, внутриязыковые изменения и т. д., совокупное влияние которых, однако, может вызвать структурные перестройки системы и возникновение в ней нерегулярностей, что осложняет коммуникацию. Для снятия подобных осложнений, излишне перегружающих систему, в языке действует закон лингвистической экономии, осуществляющий функцию контроля над системой.

Лингвистическая экономия обычно соотносится с принципом наименьшего усилия, заключающимся в затрате наименьшего количества необходимых усилий для достижения наибольшего результата таким образом, что не возникает перерасхода энергии. Получивший распространение в основном в об-

ласти биологии, этот принцип регулирует и языковое поведение и определяет направление эволюции языка в целом. В современном языкоznании впервые полное определение рассматриваемому понятию дал А. Мартине, изучивший действие закона лингвистической экономии на фонетическом и синтаксическом уровнях. В масштабной работе А. Мартине «Основы общей лингвистики» содержится классическое определение понятия лингвистической экономии, под которой понимается неустойчивое равновесие, устанавливающееся между постоянно изменяющимися потребностями общения и естественной человеческой инерцией, которые являются двумя основополагающими силами, осуществляющими выравнивание языковой системы. «Постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может рассматриваться в качестве движущей силы языковых изменений» [6, с. 532-533].

А. Мартине во многом опирался на работы Г.К. Ципфа (G.K. Zipf), выделившего принцип наименьшего усилия [15]. В теории последнего закон лингвистической экономии играл уравновешивающую роль: при коммуникации автоматически устраняется или избегается любое экономически нецелесообразное изменение, которое повлечёт увеличение энергетических затрат и станет препятствием для понимания сказанного [15, с. 317].

Г.К. Ципф исследовал речь как природное явление, в ходе чего обнаружил, что потребность к экономии лежит в основе любой области человеческой деятельности, которая так или иначе регулируется принципом наименьшего усилия: «Изъясняясь доступно, принцип наименьшего усилия может, например, значить, что человек при решении сиюминутных задач будет соотносить их с возможными будущими проблемами. Более того, он будет стремиться разрешить свои проблемы таким образом, чтобы снизить общую работу, выполняемую для устранения как задач ближайшего, так и отдалённого плана будущего. Это, в свою очередь, значит,

что человек пытается минимизировать возможный средний уровень энергозатрат (за период времени). Следовательно, минимизируется затраченное усилие. Таким образом, наименьшее усилие есть способ наименьшей работы» [15, с. 319]. Обращаясь к динамическому процессу языкового изменения, необходимо принять во внимание, что слова, постоянно изменяя значение, форму, заимствуясь, исчезая, благодаря принципу наименьшего усилия сохраняют равновесие внутри языковой системы при условии действия закона лингвистической экономии.

Частично вопросы лингвистической экономии касались многие предшественники А. Мартине и Г.К. Ципфа, при этом исследователи затрагивали лишь те или иные аспекты, которые у А. Мартине оформились в целостную теорию [10; 11; 13].

Ж. Вандриес рассматривал понятие экономии как преобладающий фактор изменений на фонетическом уровне языка. Наиболее полно действие закона экономии, как традиционно считается, представлено на уровне звуков, однако, по мнению Ж. Вандриеса, его проявление имеет место быть и на лексическом, и на грамматическом уровнях. Более того, он воспринимает данный закон как «истинный принцип, который определяет речь до мельчайшей детали» [13, с. 205]. Основная особенность речи кроется в требовании усилий, которое регулируется законом экономии: «Для большинства мыслящих существ естественно, что для каждой фразы отводится определённое личное усилие, которое постоянно обновляется. [...] Какой бы ни была художественная ценность данного усилия, оно, несомненно, происходит от экономии» [13, с. 211].

Г. Фрей рассматривал понятия экономии в рамках синхронии. Потребность в дифференциации и ясности проявляется в различии языковых элементов во избежание их неупорядоченности, которая может возникнуть при речевой деятельности. Что касается экспрессивных целей в языке, он опровергает «принцип изнашиваемости», в соответствии с которым «чем чаще используется знак, тем

больше ослабевает значимость его формы и содержания» [10, с. 114]. В продолжение своих размышлений он утверждает, что «с точки зрения функционализма данный процесс уравновешивается противоположной силой: чем выше частотность употребления знака, тем больше необходимость выразительности требует формально-семантического обновления знака» [10, с. 115].

Параллельно с Г. Фреем концепцию лингвистической эволюции разрабатывает В.Ф. Леопольд. Он обнаружил, что любая языковая система объединяет две противоречивые тенденции: «Развитие языка задаётся не одной направленностью, а двумя: стремлением к ясности и экономности. Два этих полюса сосуществуют в языке, попеременно занимая ведущую позицию» [11, с. 86]. Стремление говорящего к ясности свидетельствует о его «первоначальном намерении быть понятым»; стремление к экономности есть лишь «врождённая потребность человека, данная от природы с тем, чтобы не затратить энергии большее необходимого» [11, с. 89].

В отечественном языкознании проблема лингвистической экономии поднималась в работах прежде всего Е. Поливанова и Р. Будагова [9; 3]. Е. Поливанов, занимавшийся вопросами социолингвистики, пытался обнаружить первопричину языковых изменений. Он пришёл к выводу, что «основной пружиной» этого механизма является «стремление к экономии трудовой энергии» [9, с. 81]. Однако, как отмечает Е. Поливанов, это стремление естественно ограничено: «экономия трудовой энергии склонна осуществляться (и фактически осуществляется) именно лишь до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса» [9, с. 81]. Иными словами, экономия может простираться до тех пределов, пока информация, представленная на письме или в устной форме, понятна реципиенту, в противном случае лингвистическая экономия теряет всякий смысл, становясь помехой коммуникации.

Радикальной позиции в отношении понятия лингвистической экономии придержи-

вался Р. Будагов, настаивавший на том, что «против постулата «экономии» выступает не только теория, но и материал любого естественного языка» [3, с. 23]. Теоретические обоснования функционирования данного закона, рассмотренные в работах зарубежных и отечественных исследователей, ставятся под сомнение Р. Будаговым, следствием чего являются его обвинения в несостоительности рассуждений таких лингвистов, как А. Мартине, Е. Поливанов, Г. Спенсер и др. Их упрекали в зыбкости и необоснованности умозаключений: по мнению Р. Будагова, сомнительна теория Г. Спенсера о планомерном развития языка от сложному к простому, так же, как и аргументации А. Мартине и Е. Поливанова, объединяемые общим принципом экономии как фактором эволюции языка. Развенчав подобные подходы, Р. Будагов в качестве контрапардемента действия закона лингвистической экономии предложил рассмотреть понятие дифференциации: «Чем отчётливее выражены дифференциальные тенденции в языке (особенно в лексике, синтаксисе, стилистике), тем бессильнее «экономия» с её принципом «поменьше», а не «побольше» [3, с. 24]. Дифференциация, по мысли Р. Будагова, способствует расширению и усложнению словаря языка, что неопровергимо, спорным является лишь его утверждение о взаимоисключающей природе понятий лингвистической экономии и дифференциации. Язык совмещает в себе и стремление к экономии, и к точности выражения (последнее реализуется с помощью дифференциации), поскольку обе тенденции способствуют оптимизации коммуникации.

Ещё во второй половине XVIII в. Роберт Лоус в «Кратком введении в английскую грамматику», анализируя строй английского языка, отмечал, что «из существующих европейских языков, возможно, английский наиболее простой как по форме, так и по строению» [12, с. 93]. Подобная характеристика языка с точки зрения его упрощения оправданна, если рассматривать язык в историческом срезе в совокупности системно-структурных изменений, повлекших данное упрощение.

Впрочем, понятие об английском языке как о языке сравнительно простом возникает как из самой природы языка, так и национальных черт его носителей. Англичане экономично, даже скрупульно обращаются с арсеналом языковых средств, стараясь избегать в своей речевой деятельности излишних усилий, что можно считать следствием непосредственного влияния на английский язык принципа наименьшего усилия. Аспекты закона лингвистической экономии складываются из таких его черт, как широкое использование аббревиатур (MP, St, Mr, LA etc.) и сокращений (fridge, ad, chute etc.), ограниченное количество флексий для передачи синтаксических связей между словами (-ed, -s, -es etc.), краткость грамматических форм (I'll, it's, you're, we've etc.). Безусловно, данные особенности английского языка свидетельствуют о его склонности к экономии, однако они не могут считаться первостепенными, поскольку сами являются лишь следствием наиболее яркой черты английского языка – моносиллабизма. Многие лингвисты придерживаются мнения, что в морфологическом отношении удельный вес односложных слов в английском языке значительно больше слов с двумя и более слогами. При рассмотрении ядра языкового сознания эту особенность подчеркивает А.П. Боргоякова: «В английском ядре (50 слов) большинство составляют односложные слова, всего 41 (82%) и 9 двусложных слов (18%), слова из трёх слогов и выше отсутствуют. При рассмотрении 75 слов, составляющих ядро лексикона английского языка, А.А. Залевская отметила, что эти слова отличаются элементарностью формы, лишь 11 слов из 75 являются двусложными, остальные состоят из одного слога» [2, с. 45].

Чтобы вскрыть причины тяготения английского языка к кратким словоформам, необходимо обратиться к тем фонетическим изменениям, которым подвергался язык в своём развитии: редукция флексий в среднеанглийский период и последовавшее за этим отпадение конечных согласных (например, конечной *n* в инфинитивах глаголов). В результате этих изменений отношение между словами

стали выражаться не посредством флексий, а с помощью фиксированного порядка слов, а также через предлоги, что означало сдвиг английского языка в сторону аналитизма. Вместе с этим слова, утратившие часть звуков, из многосложных преобразовались в односложные. Тенденция к моносиллабизму привела к сужению длинных предложений в более короткие, что в целом подтверждает мысль Г. Спенсера об эволюции языка путем перехода от сложного к простому, в основе чего лежит механизм лингвистической экономии. Исторически обусловленные фонетические изменения в английском языке как фактор, способствующий усилению моносиллабизма, рассматривала Ю.А. Мазнева: «Различные фонетические процессы, происходившие в различные периоды истории английского языка, привели к тому, что односложные слова приобрели большой удельный вес в современном английском языке» [5, с. 10].

Несмотря на моносиллабический характер английского языка, его общее стремление к экономии форм, к середине XX в. он становится избыточным, что ведёт не к точности словесного оформления мысли в языке, а, наоборот, к туманности формулировок. Этот процесс был освещён Дж. Оруэллом в статье «Политика и английский язык», где однозначно связывается избыточность языка с его деградацией. Дж. Оруэлл прямо указывал на то, что размытость формулировок, в которой проявляется языковая избыточность, порождает размытость содержания коммуникационного посыла. Арсенал «языковых ухищрений» составляют, по классификации Дж. Оруэлла, «мёртвые метафоры», «ложные вербальные составляющие», «склонность к вычурной манере выражений» и «слова, лишённые смысла» [8, с. 287].

В итоге носители языка отказываются от использования однокомпонентных форм, употребляя слова латинского и греческого происхождения вместо исконной лексики (первые зачастую многосложны, тогда как исконные слова англосаксонского происхождения по преимуществу односложные). Эти тенденции ведут к увеличению количества

слов в предложении, что вступает в противоречие с моносиллабизмом английского языка. Сохранить чистоту языка, избавив его от «словесных отходов», по мнению Дж. Оруэлла, и позволяет лингвистическая экономия, основные правила которой сформулированы следующим образом: «1. Никогда не используйте метафору, сравнение или иную фигуру речи, если вы уже встречали её ранее в печатном варианте. 2. Никогда не употребляйте длинное слово, если его можно заменить более коротким. 3. Если слово является лишним, обязательно вычеркните его. 4. Никогда не используйте страдательный залог, если его можно заменить активным. 5. Никогда не используйте иностранное или научное слово, а также жаргон, если мысль можно выразить обычным повседневным языком» [8, с. 292].

Указанная Дж. Оруэллом избыточность английского языка ограничила и компенсировала тенденцию к экономии языковых средств, но при этом не привела к равновесию этих оппозиционных сил в языке: избыточность стала преобладающей чертой английского языка, обусловив его обеднение и упадок. Именно вследствие этих причин американский вариант английского языка начал отмежевываться от британского варианта, в основу своего развития положив закон лингвистической экономии, действие которого проявляется в более кратких американских формах по сравнению с соответствующими британскими. В «Американском справочнике по правописанию» Н. Вебстер, основатель американской лексикографии, замечал: «Наша честь требует от нас создания системы собственного языка, так же, как и система государственного управления. Великобритания, откуда мы и ведём своё начало, более не должна быть для нас эталоном; ибо манера изложения её писателей дурна, а язык находится в упадке» [14, с. 113].

Можно заключить, что зарождение американской разновидности английского языка связано с неприятием существующей британской разновидности, для которой свойственны размытость мысли и небрежность выражений. Действие закона лингвистичес-

кой экономии в американском английском также в большой степени обусловлено историческими предпосылками упрощения английского языка, прежде всего – стремлением к национальной самоидентификации.

Таким образом, закон лингвистической экономии действует в обеих разновидностях английского языка, однако его реализация составляет различие между ними. Важно отметить, что масштабы действия данного закона ограничены действием оппозиционной силы в языке – избыточности, что не позволяет лишить язык его информативности, сведя его лишь к односложным словам, что, тем не менее, не отрицает в целом моносиллабический характер английского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2001. – 640 с.
2. Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан: На материале ядра языкового сознания: дис. ... канд. фил. наук. – М., 2002. – 181 с.
3. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие функционирование языка? // Вопросы языкоznания. – М., 1972. – № 1. – С. 17-36.
4. Кузнецов С.А. Большой словарь русского языка. – С.-П.: Норинт, 2000. – 1535 с.
5. Мазнева Ю.А. Аббревиированные юридические термины: структурно-семантический, системно-функциональный и когнитивно-дискурсивный аспекты (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 23 с.
6. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. Типологическое изучение языков / Сост. В.А. Звенигцев. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – С. 366-566.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 53 000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ОНИКС 21 век, Мир и образование, 2003. – 1200 с.
8. Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 280-294.
9. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкоznанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
10. Фрей А. Грамматика ошибок. – М.: КомКнига, 2006. – 304 с.
11. Leopold F.W. Bibliography of child language. – Evanston: Northwestern University Press, 1952. – 115 p.
12. Lowth R. A short introduction to English grammar: With critical notes. – Philadelphia: Printed by R. Aitken, 1799. – 183 p.
13. Meillet A., Vendryes J. Traité de grammaire comparée des langues classiques. – 2-е изд., rev. et aug. – Paris: Honore Champion, 1948. – 648 p.
14. Webster N. The American Spelling Book. – Hartford: Hudson and Goodwin, 1788. – 186 p.
15. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. – Cambridge, Massachusetts: Addison-Wesley, 1949. – 573 p.